

Шэн Цзяньвэй наклонился, чтобы поправить воротник его рубашки, отчего тот снова вздрогнул, но не осмелился пошевелиться. В этот момент он услышал голос молодого господина, полный сочувствия:

— Шея покраснела, больно? Где еще ты ушибся?

Хуа Чжаошуй был настолько напуган, что отвечал с предельной искренностью:

— Молодой господин, поясница... немного болит.

— Да? Но я не вижу, — Шэн Цзяньвэй пристально посмотрел ему в глаза, касаясь его шеи. — Раздевайся, дай мне посмотреть, где именно болит.

Хуа Чжаошуй не осмелился возразить, слезы продолжали катиться по его щекам. Услышав такие слова, он снова испугался и неуверенно произнес:

— Молодой господин...

Шэн Цзяньвэй тут же потерял терпение, резко сжал его горло и сказал:

— Быстрее, боишься показать? Или ты врешь?

Хуа Чжаошуй, дрожа, начал развязывать свой пояс, боясь, что на пояснице не окажется следов, и с тревогой произнес:

— Молодой господин... просто немного болит, это... это от ковра. Правда, я не вру.

Шэн Цзяньвэй наблюдал, как тот снимает одежду, руки его дрожали, он приподнял подол рубашки, обнажив живот, и осторожно сказал:

— Молодой господин... вот здесь, немного покраснело... молодой господин...

На лице Хуа Чжаошуя застыло выражение паники, его щеки были перетянуты синяками, и теперь, когда он сам поднял рубашку, чтобы показать живот, это могло вызвать у кого-то жестокие мысли.

Шэн Цзяньвэй смотрел на него некоторое время, затем улыбнулся, погладил его по щеке и сказал:

— Хороший мальчик.

Хуа Чжаошуй нервно смотрел на него. Увидев улыбку, он испугался еще больше, и его речь стала прерывистой:

— Мо-молодой господин, вы все еще злитесь?

Шэн Цзяньвэй приподнял его руку, чтобы он поднял рубашку еще выше, и увидел, что бок действительно покраснел. Он протянул руку и коснулся этого места.

Хуа Чжаошуй все еще держал слезы, и от прикосновений его тело неконтролируемо дрожало.

Шэн Цзяньвэй смотрел на него, хлопнул себя по колену и сказал:

— Подойди.

Человек, который долгое время стоял на коленях, быстро поднялся и с крайней осторожностью сел на колени молодого господина. Он не осмеливался опустить поднятую рубашку, и его живот оставался обнаженным. Неизвестно, от холода или от страха, но на его коже появилась мелкая сыпь.

Шэн Цзяньвэй явно наслаждался его испуганной покорностью, давление его настроения немного ослабло. Он даже помог ему поправить одежду, вытащил уже развязанный пояс, аккуратно сложил его и зажал в руке.

Хуа Чжаошуй, наблюдая за этим, начал задерживать дыхание. Увидев, как молодой господин складывает пояс, он подумал, что его сейчас будут бить, и слезы, которые он с трудом сдерживал, снова потекли. Но теперь он даже не осмеливался просить о пощаде, лишь старался контролировать свои рыдания, боясь снова вызвать его недовольство.

Шэн Цзяньвэй, наклонившись, увидел его жалкие глаза и нахмурился:

— Почему ты все еще плачешь?

С этими словами он встряхнул сложенный пояс, и его конец упал на запястье Хуа Чжаошуй. Шэн Цзяньвэй внезапно взял его за запястье и обмотал его руки этим синим поясом.

Цвет пояса удивительно гармонировал с бледными запястьями, на которых виднелись вены. Шэн Цзяньвэй даже задержал взгляд на этом. Подняв глаза, он увидел, как в глазах Хуа Чжаошуй отражается страх, и улыбнулся. Он коснулся его губ пальцем и спросил:

— Руки связаны, знаешь, что делать дальше?

Хуа Чжаошуй замер на мгновение, словно под действием какого-то наваждения, и инстинктивно лизнул его палец.

На этот раз Шэн Цзяньвэй застыл. Его дыхание стало тяжелым, он с силой нажал на его губы и с улыбкой сказал:

— Думал, ты ничего не понимаешь, а оказывается, знаешь толк.

Шэн Цзяньвэй наклонился к нему, его губы коснулись шеи Хуа Чжаошуй, и он тихо прошептал:

— Ты знаешь, что делают те, кто спит в соседней комнате с господином?

Руки Хуа Чжаошуй были связаны перед собой, ладони касались груди Шэн Цзяньвэй, и он инстинктивно попытался оттолкнуться, дрожащим голосом произнес:

— Знаю.

Он провел в семье Шэн уже много лет, и если бы сказал, что не знает, это было бы притворством. С тех пор, как он переехал в соседнюю комнату молодого господина, он не раз слышал сплетни. Но сначала он думал, что это просто мимолетная прихоть господина, и, возможно, через несколько дней его отправят обратно.

Шэн Цзяньвэй резко схватил его за запястье, словно хотел что-то сказать, но в этот момент снаружи раздался стук в дверь, и кто-то заговорил:

— Господин Шэн, наш молодой господин просит вас прийти, чтобы обсудить одно дело.

Шэн Цзяньвэй посмотрел на человека, стоящего на коленях у его ног, с недовольством, но все же ответил.

Он погладил его по щеке, привязал оставшийся конец пояса к кровати и сказал:

— Мне нужно выйти. Лучше веди себя хорошо, чтобы я не застал тебя за непослушанием, когда вернусь.

Хуа Чжаошуй прижался к его ладони, его глаза все еще были красными:

— Молодой господин, я не буду двигаться.

Хуа Чжаошуй наблюдал, как молодой господин уходит, и заметил, что он не закрыл дверь до конца. Если бы кто-то вошел, они увидели бы его полураздетым и привязанным к кровати, что, несомненно, вызвало бы пересуды.

Теперь он не знал, надеяться ли, что молодой господин вернется поскорее, или молиться, чтобы он больше не возвращался.

С наступлением ночи стало холодно, окна и двери в комнате были неплотно закрыты. Пояс, которым Хуа Чжаошуй завязывал одежду, все еще был на его запястьях, рубашка расстегнута, и вскоре он начал дрожать от холода.

К тому же вечером он съел лишь пару кусочков сахара, его напугали и таскали за собой, и он был полностью измотан. Он лежал на кровати, замерзший и уставший, но не осмеливался заснуть. Чем больше он думал, тем больше чувствовал себя обиженным, и несколько раз вытирал слезы рукавом.

Хуа Чжаошуй чувствовал себя подавленным. Он думал, что, став актером в Западном саду, он сможет зарабатывать больше, чем обычный слуга. Все свои деньги он копил для матери, надеясь однажды накопить пять лянов серебра, чтобы выкупить себя. Но сейчас, чтобы дожить до этого дня, ему приходилось терпеть невероятные трудности.

Его запястья болели, колени ныли, голова была тяжелой. Он думал, что, возможно, не стоило злиться на сплетни, ведь они скоро станут правдой. Хорошая репутация ничего не стоит, ее нельзя есть или пить.

Он долго размышлял об этом, как вдруг услышал, как дверь открывается, и резко вздрогнул. Он съежился, боясь, что войдет кто-то другой.

Но дверь быстро закрылась, и он услышал шаги, приближающиеся к нему. Оглянувшись, он увидел, что это вернулся молодой господин, и выглядел он не в лучшем настроении.

Хуа Чжаошуй уже оцепенел. Плохое или хорошее настроение молодого господина — в любом случае ему приходилось страдать.

Он поднял глаза на него и произнес:

— Молодой господин.

Шэн Цзяньвэй сел, увидев, что тот дрожит, и потрогал его лицо, почувствовав холод:

— Тебе холодно?

Хуа Чжаошуй прижался к нему:

— Холодно...

Молодой господин развязал пояс, привязанный к кровати, но не освободил его руки, лишь сказал:

— Похоже, ты действительно послушный.

Хуа Чжаошуй уже не мог думать, ему казалось, что молодой господин был довольно теплым, и он, словно в забытьи, прижался еще ближе.

Он даже не понял, как оказался на коленях молодого господина, лишь чувствовал, что, когда он прижимался к нему, плохое настроение господина улучшалось.

Он почувствовал, как молодой господин поцеловал его в щеку, и, набравшись смелости, повернулся и тоже поцеловал его в щеку.

Шэн Цзяньвэй, видимо, не ожидал такой внезапной инициативы, улыбнулся и начал массировать его колени:

— Ноги болят?

Нога Хуа Чжаошуй непроизвольно дернулась:

— Немного.

Шэн Цзяньвэй тихо засмеялся, наклонился и слегка укусил его за губу, заставив его тихо вскрикнуть от боли.

Настроение Шэн Цзяньвэй явно улучшилось, он снова поцеловал его, почувствовал, как он напрягся, и, подняв руку, взял его за подбородок:

— Открой рот, зачем так плотно сжимаешь губы?

Хуа Чжаошуй послушно открыл рот, но, не имея опыта, мог лишь пассивно следовать за его языком. Вскоре он начал задыхаться, запрокинув голову, чтобы принять поцелуй.

Молодой господин целовал его так яростно, что, когда тот отпустил его, Хуа Чжаошуй почувствовал, что его губы онемели. Лишь через некоторое время он ощутил боль.

Шэн Цзяньвэй смотрел на его лицо, голос его был хриплым:

— Сегодня я тебя пощажу.

Когда Хуа Чжаошуй лежал на нем, он начал смутно понимать, что слова молодого господина о пощаде не совпадали с его представлениями.